УДК 94

КРОТ Максим Николаевич
Южный Федеральный Университет, доцент кафедры Отечественной истории, кандидат исторических наук, доцент, Ростовская область, Ростов-на-Дону, Россия
history@sfedu.ru)

KROT Maxim Nikolaevich,
Candidate for Doctorate in History, Associate Professor at the Chair of Russian Medieval and Contemporary History, Southern Federal University (SFedU), Rostov region, Rostov-on-Don, Russia
history@sfedu.ru

САМЫГИН Петр Сергеевич
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», Ростов-на-Дону, Россия
teorii.kafedra@yandex.ru)

SAMYGIN Petr Sergeevich,
Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Professor at the Chair of Theory and History of State and Law, Rostov Region State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia
teorii.kafedra@yandex.ru)

"ИСПЫТАНИЕ КРЫМОМ...": ИМПЕРСКОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 гг. И НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

«A TRIAL WITH CRIMEA …» IMPERIAL MIND IN RUSSIAN SOCIETY IN THE PERIOD OF CRIMEAN WARS IN 1853 TO 1856 AND IN THE CONTEMPORARY POLICY' STAGE

Имперское сознание является частью общественного сознания, включающей представления о месте своей страны в мире и в истории, связанные с генезисом, развитием и воспроизведением феномена империй. Основополагающим компонентом имперского сознания являются внешнеполитические ориентации: носителям имперского сознания свойственно особое отношение к внешней политике государства, его военным успехам и поражениям. Данные обстоятельства объясняют интерес авторов к исследованию имперского сознания российского общества, проведенного в контексте изучения восприятия общественным сознанием событий Крымской войны XIX в. и современной политики в этом регионе.

Ключевые слова: **имперское сознание; имперские ценности; внешняя политика; внешнеполитические ориентации; патриотизм.**

The paper explored the imperial mind being a part of public consciousness, including the concepts (about a position the country has taken in the world and back in history) correlated with the origin, development and retrieval of the phenomenon of empires. Focusing on cross-border affairs is a fundamental element of the imperial mind: a specific relevance of cross-border policy of a state and its military success and defeats being typical of the bearers of the imperial mind. These reasons could explain an interest of the authors in exploring the imperial mind in Russian society held in the framework of studies on public perception of events of the Crimean Wars of the XIX century and the contemporary policy in the region.

Key words**: Imperial mind; imperial values; foreign policy; cross-border policy relevance; patriotic spirit.**

По долгу предлежащего нам попечения
о благе и величии Отечества, стараясь пользу и
безопасность его утвердить…,
решились мы взять под державу нашу
полуостров Крымский…

Высочайший Манифест Екатерины II
о присоединении Крыма к России 8 апреля 1783 г.

В сердце, в сознании людей Крым всегда был и
остается неотъемлемой частью России.
Эта убежденность, основанная на правде и
справедливости, была непоколебимой,
передавалась из поколения в поколение…

Обращение Президента РФ В.В. Путина 18 марта 2014 г.

В настоящее время в отечественном научном сообществе наблюдается интерес к феномену имперского сознания россиян: возобновление дискуссий об имперском сознании во многом обусловлено политическими событиями в России, включающими в первую очередь присоединение к Российской Федерации Крыма и Севастополя, получившее безоговорочную поддержку абсолютного большинства россиян. Ракурс настоящего исследования, связанный с анализом имперского сознания российского общества, предполагает концептуализацию самого понятия «имперское сознание», а также определение присущих ему специфических характеристик. Один из крупнейших отечественных исследователей имперского сознания, Е.В. Анисимов, определяет его как часть общественного сознания, включающую представления о месте своей страны в мире и в истории, связанные с генезисом, развитием и воспроизведением феномена

империй [1]. Имперское сознание, равно как и другие компоненты общественного сознания, складывается исторически: в процессе становления и развития империи в представлениях населяющих его народов постепенно происходит формирование образа данного государства как имперского. Подобно другим компонентам общественного сознания, имперское сознание не существует как нечто незыблемое и неизменное, оно, напротив, способно изменяться и трансформироваться определенным образом: данные изменения во многом зависят от политической ситуации в самой империи, его отношений с другими государствами. В то же время не вызывает сомнений то обстоятельство, что имперское сознание не может исчезнуть в одночасье, в течение короткого промежутка времени, когда происходит распад самого имперского государства. Очевидно, что даже в случае падения империи имперские ценности и установки могут сохраняться в течение длительного времени в сознании населявших данное государство людей, во многом продолжая определять их мировоззрение, общественные настроения и внешнеполитические ориентации.

Авторы данной статьи не ставили перед собой задачи, связанной с детальным анализом предпосылок, обусловивших формирование имперских ценностей в структуре общественного сознания населения российского общества. Как отмечает С.А. Никольский в своей известной публикации под названием «Русские как имперский народ», представления населяющих Россию различных этнических групп о себе как об имперском народе можно с уверенностью отнести к «наиважнейшей мысли», которая была воспринята и сохранена народами, жившими в России в различные периоды ее истории, начиная с падения Византийской империи и заканчивая распадом Советского Союза [2, с. 42]. Мы, россияне, пишет С.А. Никольский, всегда знали, что «живем в стране, история которой представляет собой непрерывную цепь территориальных расширений, захватов, присоединений… Мысль об империи была самой ценной в нашем идейном багаже, и именно ее мы были готовы заявить и заявляли другим народам. Именно ею мы удивляли, восхищали или ужасали остальной мир» [2, с. 42]. Нельзя не согласиться с точкой зрения данного исследователя, согласно которой жизнь в имперском государстве не прошла даром для населявших его людей, а так называемое имперское бытие сформировало сознание россиян, стало частью культуры общества.

Необходимо отметить, что большинство ученых, как отечественных, так и зарубежных, занимавшихся исследованием имперского сознания россиян, выделяют в качестве основных предпосылок его формирования внешнеполитические факторы. Как указывает, к примеру, Дж. Хоскинг, имперское сознание и российских правителей, и их подданных основывалось на «гордости за просторы и многообразие державы, за ее военные победы» [3]. Не случайно и то, что в качестве основополагающего компонента имперского сознания принято рассматривать именно внешнеполитические ориентации его носителей, что позволяет высказать предположение, согласно которому носителям имперского сознания должно быть свойственно особое отношение к внешней политике государства, его военным успехам и поражениям. Хорошо известен тот факт, что во все времена военные противостояния между государствами были явлением не только внешней, но и внутренней политики. Внешнеполитические процессы в той или иной мере оказывали влияние на внутреннее развитие государства, его экономическое положение, духовные настроения общества. Силовое давление было и остается тем рычагом, при помощи которого носители верховной власти могли достигать определенных целей не только внешнего, но и внутреннего порядка. Однако его воздействие на общественную жизнь не ограничивается рамками, очерченными властью. В зависимости от причин, хода, характера, степени включенности общества в ход войны, ее итогов она может приводить к самым разным, порой неожиданным и непредсказуемым внутренним последствиям, кардинально трансформировать общественное сознание, способствовать усилению или ослаблению тех или иных политических сил общества. Известная закономерность – «успешная война ведет к укреплению политического режима и единению общества, а поражение – к его ослаблению или гибели» работает далеко не всегда и зависит от многих субъективных и объективных факторов.

История России изобилует войнами, но лишь на определенном этапе развития нашей страны, в XIX столетии, война перестает быть «королевской игрой», коей она являлась еще в предшествующем веке. Активный рост национального самосознания, характерный для всех европейских стран в этот период, приводит к тому, что многие конфликты начинают рассматриваться как элементы межнационального, межкультурного и даже межцивилизационного порядка. В этих условиях общество не могло оставаться безучастным к вооруженным противостояниям, которые властным органам теперь было необходимо объяснять и оправдывать. Огромную роль в усилении влияния войн на общественную жизнь играло развитие средств массовой информации, увеличение числа периодических изданий, развитие журналистики, а также рост общей грамотности населения, которое было уже способно не только узнавать о событиях внешней политики, но и осмысливать их.

Современная ситуация вокруг Крыма, непрекращающиеся дискуссии о политических, экономических, правовых аспектах его присоединения к России, сложностях, связанных с интеграцией этого региона в состав Российской Федерации побуждают нас обратиться к анализу событий середины XIX в., связанных с восприятием российским обществом событий Крымской войны, которое было далеко не односторонним. Необходимо отметить, что именно Крымская война являлась тем вооруженным конфликтом, который оказал наибольшее воздействие на общественную мысль, имел наиболее значительные социальные, экономические и духовные последствия для русского общества в XIX в. Предшествующие войны данного столетия – и Отечественная война 1812 г., вызвавшая массовый общественный подъём и волну патриотизма; и подавление польского восстания 1830–1831 гг., породившее широкую «полонофобию» в русском обществе и способствовавшее усилению националистических настроений. Был разгром Венгерского восстания в 1849 г., закрепивший за Россией статус «жандарма Европы» и положивший начало так называемому «мрачному семилетию», завершавшему эпоху николаевской России. Однако именно Крымская война по сложности и противоречивости отношений и оценок в общественной мысли, по резонансу во всех слоях общества, по социальным последствиям не имеет себе равных в XIX столетии. Не подлежит сомнению тот факт, что значительную роль в этом сыграли итоги войны. Впервые за почти полтора века Россия потерпела поражение не только в отдельном сражении или кампании (такое бывало и ранее), но в большой войне, которая завершилась заключением договора, который в России трактовался не иначе как унизительный, ущемляющего национальную гордость россиян и временно выводящего страну из разряда великих держав. Но еще более важное кроется в том, как российское общество относилось к этой войне.

Ни один из всех как предшествующих, так и будущих вооруженных конфликтов, в которых будет принимать участие Российская империя, не будет восприниматься в российском обществе столь двойственно и противоречиво. Готовность к вооруженному отстаиванию интересов страны на международной арене, вера в необходимость вооруженного покровительства братских народов Балкан, воинствующий патриотизм, ставший в XIX столетии значительным элементом русского общественного сознания, вступали в острейшее противоречие с растущим в недрах российского общества недовольством по отношению к правящему режиму, уверенностью в необходимости изменения внутриполитического курса, которое было немыслимо в условиях неизбежного укрепления режима, вызванного победоносной войной. Осознание необходимости отрезвляющего поражения, которое сможет пробудить, встряхнуть общество, заставить правящую элиту пойти на давно ожидаемые просвещенной частью общества реформы сочеталось с тяжелой болью и горечью, которую испытывали россияне при известиях о военных неудачах, военном превосходстве противника, порождая дезориентацию, растерянность и замешательство.

Необходимо отметить, что николаевское правительство позаботилось об информационно-агитационном обеспечении зреющей войны. Стремясь объяснить вооруженный конфликт, начавшийся с ввода российских войск в Молдавию и Валахию, российские власти пустили в ход тезис о «справедливом», «освободительном» походе против иноверцев за свободу братских христианских народов Балкан и Закавказья [см. об этом подробнее: 3]. Официальная идеология всячески стремилась обосновать неизбежность войны, которая трактовалась как столкновение двух цивилизаций, двух миров; политика России на Балканах трактовалась как вековечная, историческая «миссия» Российского государства по защите единоверных братьев, проводимая страной на протяжении многих столетий [4, с. 311]. В официальной прессе развернулась широкая кампания по освещению спора о «Святых местах» и деятельности правительства по защите интересов православной общины в турецкой Палестине. Однако необходимо заметить, что по размаху публикаций, журналистскому мастерству, охвату читательской аудитории российская печать заметно уступала европейской, особенно французской, в которой с начала 50-х гг. нагнеталась настоящая антирусская истерия. Достаточно сказать, что русское общество о многих фактах, связанных с ближневосточным кризисом, узнавало из европейской печати, где события, разумеется, освещались весьма односторонне. Таким образом, можно сказать, что информационную войну, которая сопровождала вооруженный конфликт 1853–1856 гг. Россия проиграла с самого начала. И это поражение имело последствия не менее значительные, нежели дипломатические неудачи.

Идея империи как защитницы православной веры, попираемой в Османской Турции, стала стержневой в Манифесте Николая I, вышедшем в ответ на объявление Турцией войны России. Он гласил: «Россия вызвана на брань: ей остается, возложив упование на Бога, прибегнуть к силе оружия, дабы принудить Порту к удовлетворению за те оскорбления, коими отвечала она на самые умеренные наши требования и на законную заботливость нашу о защите на Востоке православной веры, исповедуемой и народом русским. Мы твердо убеждены, что

наши верноподданные соединят с нами теплые мольбы к Всевышнему, да благословит Десница Его оружие, поднятое нами за святое и правое дело…» [Цит. по: 5]. О защите братских народов-христиан от османского владычества, поддерживаемого «зложелательством» Англии, Николай I говорил и писал неоднократно, и до и после официального объявления войны [6, с. 390–391], а вслед за ним этот тезис подхватывала печать и официальные органы правительственной пропаганды. Император, чье стремление «окончательно решить» вопрос «больного человека» – Османской империи – стало одним из важнейших факторов в развязывании этой войны, был уверен в том, что русское общество единодушно поддержит его [5, с. 19].

Начало войны вызвало в обществе значительный патриотический подъем, еще более усилившийся после блестящей победы русского флота в Синопском сражении. Наиболее активными генераторами этой эйфории были представители славянофильских кругов, которые в своих публикациях и адресах озвучивали идеи «освобождения славян», призывали русского монарха короноваться в Царьграде, объединить славянские народы под своей державной рукой и пр. [см. об этом подробнее: 8]. Крупный ученый и общественный деятель Б.Н. Чичерин, учившийся в начале 50-х гг. в Московском университете – настоящем центре общественно-интеллектуальной жизни России той эпохи, в своих воспоминаниях отмечал: «Для славянофилов это была священная война, борьба за православие и славянство, окончательное столкновение между Востоком и Западом, которое должно было вести к победе нового молодого народа над старым, одряхлевшим миром» [9, с. 170]. На имя императора направлялось множество верноподданнических, воодушевленных адресов, в литературных кругах появилась серия патриотических произведений, стихов, пьес, очень благосклонно принимаемых представителями власти и самим Николаем I. О своеобразной «моде» на патриотические стихи, которые писались и подавались императору с целью продемонстрировать свою верноподданность и в надежде на подарки и благосклонность, неоднократно писал в своем дневнике тонкий и наблюдательный современник – профессор Петербургского университета и чиновник Министерства народного просвещения А.В. Никитенко [10]. Однако большая часть подобных обращений все же носила искренний, бескорыстный характер. Особенностью российского общественного сознания является не просто упование на власть, но и стремление «поддержать», «подсобить» ей, сплотиться вокруг лидера, вождя, забыв все внутренние распри и недовольства, особенно перед угрозой тяжких испытаний, войны с враждебной Европой, грозная перспектива которой отчетливо встала в начале 1854 г. Данная особенность российского сознания характерна не только для Крымской войны. Внешнеполитические противостояния, затрагивающие не только национальные интересы собственно России, но и «братских», «единоверных» народов, во все периоды истории нашей страны вызывали горячий отклик российского общества, поддержку и даже давление на власть в стремлении отстоять данные интересы. Фатального страха перед возможной войной в русском обществе не было. Непоколебимая уверенность в силе русского оружия и твердая вера в «богоугодность» защищаемого дела придавали обществу решимости. И так было не только в прошлом…

Даже тогда, когда победные реляции в 1854 г. стали сменяться сведениями о неудачах и поражениях, настроения в обществе менялись мало. На смену патриотической эйфории приходило осознание грядущих тяжких испытаний, которое, тем не менее, не снижало решимость продолжать борьбу. Представитель петербургской аристократии, будущий консервативный идеолог и публицист В.П. Мещерский писал об этом времени: «Нигде, ни в каких умах не чувствовалось и не слышалось иного настроения, как патриотической готовности идти навстречу этой войне, невзирая ни на какие угрозы» [7, с. 19]. В русском обществе начался широкий сбор средств на нужды армии. Среди его участников были как представители крестьянских низов, жертвовавших пятаки и копейки, так и аристократы и богатейшие купцы, пожертвования которых достигали миллионов рублей. Массовым было добровольное поступление в ряды народного ополчения и армию, куда вступали представители самых разных слоев, причем число желающих было намного больше имеющихся мест [7, с. 21]. Многие из добровольцев пали на полях сражений. В этом отношении показательна судьба Андрея Карамзина – старшего сына знаменитого историка, который оставил обеспеченную и безмятежную жизнь во дворце, принадлежащим его супруге из богатейшего рода купцов Демидовых, вступил в армию и погиб во время одной из стычек с турками на Дунае 16 мая 1854 г. [7, с. 23]. Подобных ему было множество.

Безусловно, сведения о непрерывных военных неудачах, высадке союзников в Крыму, поражениях на р. Альма, под Инкерманом, начавшейся блокаде Севастополя значительно повлияли на общественные настроения, заставляли задуматься о причинах неудач. Несмотря на строгую цензуру и секретность, в общество всё больше стали просачиваться слухи о повсеместной неготовности войск к настоящим боевым действиям, о страшных злоупотреблениях военных чиновников, о полной бездарности «плац-парадных» генералов, о безнадёжной технической отсталости русской армии. Обо всем этом с непередаваемой горечью писали даже те

представители общественности, которых трудно заподозрить в нелояльности существующему режиму [7, с. 24]. Нехватка современного вооружения, отсутствие мощного парового флота, нужда, которую во всем испытывал многострадальный русский солдат – все это вызывало горечь и разочарование, которое усиливалось еще и тем, что многие представители общественности, даже далекие от верноподданнических настроений, готовы были смириться с жесткостью режима, видя в нем залог военного могущества страны.

Характеризуя эти настроения, молодой историк Сергей Соловьев отмечал: «Некоторые утешали себя так: Тяжко! Всем жертвуется для материальной, военной силы; но, по крайней мере, мы сильны, Россия занимает важное место, нас уважают и боятся. И вот это утешение было отнято…» [Цит. по: 3, с. 74]. Когда же этот ореол могущества стал рассеиваться, ничто уже не могло оправдывать той жесткой административной системы, которая была создана Николаем I. Приходило осознание того, что только внешний толчок, только громкое военное поражение сможет подорвать эту систему, побудить власть к преобразованиям. Долгая эпоха военных успехов во многом создала, укрепила и освятила этот режим, для слома которого нужен был разгром. Но какую внутреннюю горечь и боль несло с собой это осознание! Б.Н. Чичерин писал: «Русское сердце не могло не биться при рассказах о подвигах севастопольских героев. А между тем нельзя было не видеть, что победа могла вести только к упрочению того бездушного деспотизма, который беспощадно давил всякую мысль и всякое просвещение, уничтожал всякие благородные стремления и всякую независимость» [9, с. 171–172.]. Для многих людей, коим была небезразлична судьбы своего Отечества, это поражение стало настоящей личной трагедией. Один из величайших русских историков и общественных деятелей этой эпохи, профессор Московского университета Т.Н. Грановский крайне болезненно переживал события этой «несчастной» войны. Его письма данного периода наполнены безнадежной тоской и гневом. «Великая страна, еще недавно стоявшая на верху славы и могущества, в два года приведена в самое печальное состояние… Эта война окончательно разорвала союз царя с народом, она опозорила это царствование. Будем надеяться, что тяжелое испытание не пройдет даром, что урок послужит нам на пользу…» – писал он в январе 1855 г. [11, с. 454]. Но, несмотря на это осознание, военные неудачи крайне болезненно переживались мыслителем. Незадолго до смерти из-под пера Т.Н. Грановского вышли пронзительные строки: «Весть о падении Севастополя заставила меня плакать. Будь я здоров, ушел бы в милицию без желания победы России, но с желанием умереть за нее. Душа болит…» [11, с. 455]. Именно эти мучительные переживания ускорили смерть сорокадвухлетнего профессора. Аналогичное состояние испытывало множество людей, различных по своему социальному, интеллектуальному и материальному положению, о чем свидетельствуют практически все современники. Мучительная боль за свою страну, чувство беспомощности, растерянности, негодования на виновных в «национальном унижении» – а именно так и воспринималось поражение в обществе, воспитанном на военной славе России и привыкшее к победам, и в то же время осознание его как божественной кары, сурового испытания, через которое нужно пройти достойно и из которого нужно извлечь уроки, – именно такие чувства охватывали большинство мыслящих и неравнодушных людей России. Ощущение необходимости перемен, реформ, охватившее русское общество по окончании войны в общественном сознании, во многом диктовалось не только внутренними нуждами, которые на тот момент в большинстве своем не осознавались, но в первую очередь необходимостью восстановления статуса великой державы, что свидетельствует о преобладании имперских ценностей над прочими соображениями даже в такой сложный период русской истории.

Однако были в общественных кругах и те, кто спокойно и даже с удовлетворением встречал известия о поражениях русских войск. Публицист и будущий земский деятель А.И. Кошелев отмечал, что к середине 1855 г. даже в славянофильских кругах, к которым он был близок, воцарилось убеждение, что поражения полезны и жизненно необходимы для выхода из «несносного положения», в котором Россия находилась последнее время [12, с. 84 – 85]. В кругах радикально настроенной разночинной интеллигенции военные неудачи, особенно разгром русских войск на Чёрной речке 4 августа 1855 г. и падение Севастополя, вызывали едва ли не открытую радость [13, с. 24]. Все, что наносило болезненные удары ненавистному им политическому режиму, воспринималось в данных кругах восторженно. Национальные интересы России, героизм русских солдат и офицеров, гибель десятков тысяч соотечественников – все это затмевалось политическими соображениями и надеждами на крушение николаевской системы. Как водится, в кругах «пораженцев» было много и тех, кто был лично обижен или ущемлен николаевской государственной машиной, для кого поражение собственной страны было своеобразным актом личной мести. Один из известнейших представителей радикальной части просвещенной общественности, Н.А.Добролюбов с едва скрываемым удовлетворением писал об одном из роковых событий этой войны так: "Севастополь взят, эта весть никого почти не поразила, потому что давно была ожидаема. Все как будто перевели дух после долгого ожидания и сказали: ну,

наконец-то… Взяли же таки!.." [14, с. 432–434]. Было множество и тех, для кого поражения в войне, а затем и смерть императора Николая I в феврале 1855 г. стали сигналом к огульному очернению всей российской действительности, уничижительной характеристике без разделения на положительное и отрицательное не только тридцатилетнего царствования умершего императора, но и всего государственного развития Российской империи. Такие мысли в наиболее яркой и резкой форме были высказаны в известной записке государственного деятеля, будущего министра внутренних дел П.А. Валуева «Дума русского», заклеймившего николаевское царствование хлестким выражением, ставшим нарицательным – «Сверху блеск – снизу гниль» [15, с. 850–853]. Многие из этих настроений воспринимались из широко распространяемых в России зарубежных источников, западной печати, развернувшей в годы войны невиданную по мощи и размаху разнузданную антироссийскую кампанию, а также из лондонских публикаций кумира тогдашней радикальной общественности – А. Герцена, придерживавшегося ярко выраженных антиниколаевских и антироссийских позиций. Если проводить параллели с восприятием современной российской внешней политики, включающей взаимоотношения с Украиной, присоединение Крыма и Севастополя, то нетрудно заметить, что и в настоящее время в обществе наличествует отдельные представители интеллигенции, деятели культуры и искусства, журналисты и даже политические деятели, подвергающие критике политику руководства страны, направленную на воссоединение с Россией стратегически важного для нее Крымского региона, восстановление исторической справедливости.

В то же время, как показывают данные социологических исследований, абсолютное большинство населения современного российского общества демонстрирует поддержку политики России, связанной с поддержкой жителей Крыма и проведением мероприятий, направленных на присоединение этого региона к Российской Федерации. Об этом непротиворечиво свидетельствуют данные ВЦИОМ, в соответствии с которыми подавляющее большинство россиян (94%) демонстрируют безусловную уверенность в том, что Россия должна защищать интересы русских и представителей других национальностей, проживающих в Крыму [16]. Приведенные данные, на наш взгляд, однозначно свидетельствуют о том, что в современном общественном сознании населения российского общества происходит воспроизводство ценностей имперского сознания, для которого характерно «наличие в национальном самосознании представления о высшем предназначении России, на возложенной на страну особой миссии» [2, с. 42]. Если не принимать во внимание феномен имперского сознания, трудно объяснить то ««невероятное и неожиданное возбуждение», которое испытали 85% опрошенных в конце марта 2014 г. в связи с присоединением Крыма (данные Левада-центра). Интересно, что абсолютное большинство граждан России (79%) также считает, что присоединение Крыма является свидетельством возвращения России к роли великой державы, своеобразной реанимацией имперской государственности [17]. Здесь необходимо отметить, что уже упоминавшийся выше исследователь имперского сознания С.А. Никольский именно «максимизацию территориального расширения» рассматривает в качестве одного из основополагающих принципов имперской государственной политики [2, с. 43].

На основании вышеизложенного можно констатировать, что на фоне современных крымских событий, как и в середине XIX столетия в преддверии Крымской войны, произошла активизации так называемых имперских установок в сознании значительной части населения российского общества. В настоящее время для россиян как для носителей имперского сознания становятся актуальными поддержка русскоязычного населения, собирание русских земель, восстановление статуса России как крупнейшей мировой державы, играющей важную геополитическую роль в системе международных отношений. С этим связана и поддержка соответствующих действий руководства страны со стороны населения. В то же время необходимо отметить, что политической элите страны следует проявлять определенную осторожность в реализации своих внешнеполитических замыслов, поскольку возможное поражение в вооруженном конфликте может негативно сказаться на отношении населения к действующей власти, дискредитировать государственную власть и ее основных представителей в глазах граждан, что уже не раз случалось в предыдущие исторические периоды развития России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Анисимов Е.В.* Исторические корни имперского мышления в России. [Электронный ресурс] //Proceedings of Winter Symposium Socio-Cultural Dimensions of the Changes in the Slavic-Eurasian World / Slavic Research Center, Hokkaido University, 1997. Режим доступа: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/sympo/Proceed97/Anisimov.html 1 мая 2014.
2. Никольский С.А. *Русские как имперский народ //Политическая концептология. 2014. – № 1. – С. 42–53.*
3. *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. – Смоленск, 2001.
4. *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 1. – М., 2003.

5. *Пресняков А.Е.* Российские самодержцы. Николай I. – М., 1990.
6. *Зайончковский А.М.* Восточная война. Т. II. // http://adjudant.ru/crimea/zai2-03.htm 1 апреля 2014.
7. История внешней политики России. Первая половина XIX века. – М., 1999.
8. *Мещерский В.П.* Воспоминания. – М., 2003.
9. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. – М., 1986.
10. *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. – М., 2001.
11. *Никитенко А.В.* Записки и дневник. Т. 2. // http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0020.shtml, 1 апреля 2014.
12. Т.Н. Грановский и его переписка. Т. II. – М., 1897.
13. Записки А.И. Кошелева. // Русское общество 40-х – 50-х годов XIX в. Ч.1. – М., 1991.
14. *Шелгунов Н.В.* Воспоминания. – М., 1923.
15. *Добролюбов Н.А.* Полное собрание сочинений. – М., 1937. Т.4.
16. *Валуев П.А.* Дума русского. // Россия. Автобиография. – М., 2009.
17. Крым и Россия: порознь или вместе. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2539 от 11.03. 2014 (опрос проведен 1-2 марта 2014 г.). [Электронный ресурс. Режим доступа: //*wciom.ru].* 1 мая 2014.
18. В какой стране мы живем: российское общество от ноября 2013 г. к марту 2014 г. Левада-центр. Аналитический центр Ю. Левады [Электронный ресурс. Режим доступа: //*www.levada.ru].* 1 мая 2014.

REFERENCES

1. Anisimov E.V. Istoricheskie korni imperskogo myshleniya v Rossii. [Elektronnyy resurs] //Proceedings of Winter Symposium Socio-Cultural Dimensions of the Changes in the Slavic-Eurasian World / Slavic Research Center, Hokkaido University, 1997. Rezhim dostupa: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/sympo/Proceed97/Anisimov.html 1 maya 2014.
2. Nikolskiy S.A. Russkie kak imperskiy narod //Politicheskaya kontseptologiya. 2014. - № 1. - S. 42-53.
3. KHosking Dzh. Rossiya: narod i imperiya (1552-1917) / Per. s angl. - Smolensk, 2001.
4. 4.Tarle E.V. Krymskaya voyna. T. 1. - M., 2003.
5. 5.Presnyakov A.E. Rossiyskie samoderzhtsy. Nikolay I. - M., 1990.
6. 6.Zayonchkovskiy A.M. Vostochnaya voyna. T. II. // http://adjudant.ru/crimea/zai2-03.htm 1 aprelya 2014.
7. 7.Istoriya vneshney politiki Rossii. Pervaya polovina XIX veka. - M., 1999.
8. 8. Meshcherskiy V.P. Vospominaniya. - M., 2003.
9. 9.TSimbaev N.I. Slavyanofilstvo. Iz istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XIX veka. - M., 1986.
10. 10.CHicherin B.N. Vospominaniya. - M., 2001.
11. 11.Nikitenko A.V. Zapiski i dnevnik. T. 2. // http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0020.shtml, 1 aprelya 2014.
12. 12.T.N. Granovskiy i ego perepiska. T. II. - M., 1897.
13. 13.Zapiski A.I. Kosheleva. // Russkoe obshchestvo 40-kh - 50-kh godov XIX v. CH.1. - M., 1991.
14. 14.SHelgunov N.V. Vospominaniya. - M., 1923.
15. 15.Dobrolyubov N.A. Polnoe sobranie sochineniy. - M., 1937. T.4.
16. 16. Valuev P.A. Duma russkogo. // Rossiya. Avtobiografiya. - M., 2009.
17. 17.Krym i Rossiya: porozn ili vmeste. Press-vypusk VTSIOM № 2539 ot 11.03. 2014 (opros proveden 1-2 marta 2014 g.). [Elektronnyy resurs. Rezhim dostupa: //wciom.ru]. 1 maya 2014.
18. V kakoy strane my zhivem: rossiyskoe obshchestvo ot noyabrya 2013 g. k martu 2014 g. Levada-tsentr. Analiticheskiy tsentr YU. Levady [Elektronnyy resurs. Rezhim dostupa: //www.levada.ru]. 1 maya 2014.